

Танцует Майя Плисецкая

В Большом театре Союза ССР завершаются репетиции нового балета

В ОГРОМНОМ зале непривычно тихо. А на сцене пока мирно уживаются «век нынешний и век минувший». В ажурных белых креслах устроились с ворохом бумаг двое — один в строгом костюме, другой кутается в махровый халат. Поодаль прогуливается дама в длинном платье и широкополой шляпе об руку с господином в сюртуке. Тут же под разноречивой оркестровой настройкой разминается группа молодых людей в балетных трико.

Но вот занял место в последних рядах партера композитор Родион Щедрин, встал за пульт дирижер Александр Лазарев.

...Эта балерина, кажется, рождена удивлять. Когда-то Майя Плисецкой, выпускнице хореографического училища, прочили славу лирической танцовщицы. А она ошеломила всех неистовым блеском Одиллии, искрометностью Китри, трагизмом Джульетты. Ее Одетта, Раймонда, Аврора, ее знаменитый «Умирающий лебедь» заставили критиков заговорить об уникальности балерины. Но виртуозная исполнительница классических партий вдруг предстала перед зрителями Кармен, Анной Карениной, выступила в балете по чеховской «Чайке», который поставила сама, создала неожиданный слав драмы и балета в телефильме «Фантазия» по мотивам тургеневских «Вешних вод».

И снова Чехов, «Дама с собачкой» — одна из самых поэтичных новелл о любви. Плисецкая здесь и постановщик, и исполнительница главной роли. На пока еще неяркой освещенной сцене не прославленная балерина — чеховская Анна Сергеевна живет, страдает, мучается, любит. Вот уж действительно «полюс магии», как назвал ее Андрей Вознесенский.

Когда наблюдаешь за ее работой из-за кулис, озадачивает ее способность существовать сразу словно в двух измерениях. Занавес пока закрыт, и балерина привычно разминается под оркестровое вступление. Потом вдруг стремительно проносится к кулисе и указывает мне рукой вверх — туда, где на помосте-пирсе замерла женская фигурка с белым шпичем на поводке: «Видите, там тоже как бы я, но — с собачкой!» Я едва успеваю взглянуть на эту «живую» иллюстрацию, а Плисецкая уже замерла на прежнем месте и буквально всем телом, всем своим существом впитывает музыку. Ощущение, что танец — естественная стихия ее существования. Не зря ведь ее близкие вспоминали, как, заслышав по радио знакомый вальс, трехлетняя Майя способна была танцевать на вытянутых носочках прямо на улице, никого не замечая.

За кулисами — обычная репетиционная суета. Переговариваются артисты миманса: им еще только предстоит появиться на сцене в «живых картинах» — на набережной, в гостиной, клубе, на улице, попеременно возникающих на небольших передвижных фурках (художник Валерий Левенталь). Уютно устроившись у ног хозяйки, дожидается очередного «выхода» общий любите-

мец — карликовый шпиз Джими: в клубе любителей собачководства его рекомендовали театру как самого красивого и воспитанного. То и дело раздается усиленный микрофоном голос Родиона Щедрина: «Добавьте эмоций! И крещендо в оркестре было, услышите его...» Плисецкая слушает, кивает, улыбается партнеру — Борису Ефимову. Но какой-то неуловимый миг — и опять над летящим вверх телом, надломленными руками — знаменитые «говорящие» руки Плисецкой! — возникает в луче света потрясенное и страдающее женское лицо...

— Майя Михайловна, и все же почему вы выбрали «Даму с собачкой»?

— Знаете, что бы я ни делала, у меня спрашивают «почему»? Спрашивали, когда ставила «Раймонду» в Риме, но уверена — точно так же спросили бы, будь это «Лебединое озеро». Почему Чехов? Он настолько лиричен, поэтичен, глубок — все это очень ложится на музыку. И он очень серьезен, трагичен — не слова, а именно музыка способна эту трагедию рассказать. И потом, ничто так не выразительно, как пластика человеческого тела. Она способна создать любое настроение, передать содержание, характеры. Напрасно думают, что творения великих писателей не пластичны. Просто многие приучены к шаблонам старых балетов. Конечно, средствами того же «Лебединого озера» раскрыть Чехова нельзя — тут нужна виртуозность иного плана. В чеховских пьесах и новеллах главное часто скрыто между строк. Балет может выразить все это — и тут не нужен переводчик: язык танца понятен любому человеку.

— Для вас трудным оказался переход к современной хореографии?

— Этот переход состоялся еще восемнадцать лет назад, когда появилась «Кармен-сюита». Нет, трудно не было — скорее, приятно, интересно: столкнулась с новой танцевальной лексикой, иным, чем раньше, решением балетного образа. Труднее пришлось, пожалуй, зрителям. «Кармен-сюита», «Анна Каренина», «Чайка», телефильм «Фантазия» вызвали немало споров. И очень обрадовало тогда, что среди тех, кто с первых спектаклей принял нашу «Чайку», была и Евгения Михайловна Чехова, родственница писателя. Она смотрела балет семь раз и, помнится, сказала: «Я словно запах детства почувствовала!»

— Над «Дамой с собачкой» вы вновь работаете вместе с мужем — Родионом Константиновичем Щедриным. Сложно приходится в таком семейном «дуэте»?

— Это очень помогает. Родион Константинович тут и композитор, и либреттист. И хореограф тоже: проверяет меня из зала, поправляет, советует. На сцене я себя не вижу, и без таких подсказок пришлось бы туго.

— Слышала, что на телевидении сейчас снимается фильм о вас...

— Над ним работает режиссер Борис Галантер. Он тоже здесь, на репетиции. В фильм войдет и что-то из старых выступлений, и много нового, в том числе и «Дама с собачкой».

— Этот балет предполагается впервые показать на сцене Большого театра 20 ноября, в ваш день рождения. Что в такой день хотите пожелать себе?

— Чтобы премьера прошла успешно!

Т. ИСКАНЦЕВА.

На снимке: Майя Плисецкая.
Фото Г. ПЕТРОВА.